

Кучинская Марина Евгеньевна*, старший научный сотрудник Центра координации исследований РИСИ.

Феномен гибридации современных конфликтов: отечественный и западный военно-политический дискурс

Противоборство на международной арене разворачивается сегодня в физическом, информационном, кибернетическом, культурном, когнитивном измерениях при неуклонном возрастании роли невоенных способов достижения политических и стратегических целей, которые по своей эффективности зачастую превосходят традиционные военные средства (что не исключает активного применения последних). В результате современные войны становятся всё более сложными и комплексными. Их комбинированный характер проявляется в том, что классическое военное насилие сочетается в них с иррегулярными формами противостояния, в частности с террористической деятельностью, кибернетическими атаками, экономическими и дипломатическими санкциями, информационными диверсиями, целым рядом других возможных составляющих. В силу этого для обозначения качественно новой комплексности и пространственной многомерности современной войны был предложен термин "гибридный". При этом в рамках гибридного конфликта к открытому применению военной силы зачастую переходят лишь на его завершающей стадии, ссылаясь на существующую международную нормативно-правовую базу миротворческой деятельности и кризисного регулирования. Однако такого перехода может и не быть. Более того, именно несиловые способы борьбы представляют собой суть гибридной войны, что отражает трансгрессию современных конфликтов со смещением центра тяжести от военных к невоенным методам.

Следует подчеркнуть, что вокруг самой концепции гибридации современных конфликтов в отечественной и зарубежной литературе ведутся ожесточённые споры. Некоторые эксперты вообще полагают, что войны носили гибридный (в той или иной мере) характер на протяжении всей истории международных конфликтов. Известность получила шутка о том, что первой гибридной операцией была история с троянским конём. Однако большинство специалистов (в том числе в отечественной политологии) сходятся во мнении, что в рамках данного концепта нашёл своё определение качественно новый феномен мировой политики: понятие гибридных войн

* kuchinskaya@mail.ru

на рефлексивном уровне даёт качественно новый взгляд на современную реальность и представляет собой совершенно уникальное явление. *Мы имеем дело с новым видом межгосударственного противостояния и эффективным инструментом стратегического неядерного сдерживания, предполагающим беспрецедентное сочетание комплекса мер силового и несилового воздействия на противника в реальном масштабе времени.*

Сегодня термин "гибридная война" не является операционным понятием для отечественного военно-политического дискурса. Вообще же среди российских специалистов наблюдается разногласия в подходе к этой проблеме, вследствие чего соответствующая терминология пока не отражена в документах стратегического планирования России. В то же время термин "гибридность" начинает всё чаще звучать не только в научных дискуссиях, но также и в публичных выступлениях российских политиков и военных.

Что же такое гибридные угрозы и гибридные конфликты: суть и происхождение терминов

На сегодняшний день соответствующий универсальный понятийный аппарат (тем более получивший международно-правовое закрепление) не разработан. На этом фоне предлагается множество определений гибридной войны (операции). Довольно удачной многими аналитиками признаётся формулировка, содержащаяся в ежегодном лондонском издании Международного института стратегических исследований *Military Balance* выпуска 2015 г. Гибридная операция определяется там как "использование военных и невоенных инструментов в интегрированной кампании, направленной на достижение внезапности, захват инициативы и получение психологических преимуществ, использование дипломатических действий, масштабные и стремительные информационные, электронные и кибероперации, прикрытие и сокрытие военных и разведывательных действий в сочетании с экономическим давлением"¹. Однако с учётом того, что в рамках гибридной операции переход к активным военным действиям может и не понадобиться, это определение вряд ли можно считать безусловным.

Гибридная операция включает в себя реализацию комплекса угроз различного типа (дипломатических, военных, экономических, информационно-технологических и др.), когда посредством определённых адаптивных технологий потенциальные факторы войны трансформируются в реальные. Таким образом, *гибридная война является своего рода интегратором гибридных угроз, отличие которых от обычных состоит в уникальном соединении регулярных и иррегулярных возможностей.*

Необходимо подчеркнуть, что концентрация подобных методов воздействия на том или ином объекте (например государстве-жертве) для создания эффекта стратегической внезапности происходит в том объёме и таким образом, что *до формального объявления войны в классическом*

¹ Цит. по: Ходаренок М., Зинченко А. Гибридное оружие войны // Газета.ру. 2016. 10 августа. URL: <http://www.gazeta.ru/army/2016/08/10/10112729.shtml> (дата обращения: 24.11.2018).

пониманию не доходит. Вообще же размытость границ и статус неопределённости, т.е. осуществление дестабилизирующих и подрывных мероприятий в период, не относящийся в чистом виде ни к войне ни к миру, выделяются в качестве одной из важнейших характеристик гибридной войны. Таким образом, одна из основных задач гибридной войны – удерживать уровень насилия в государстве – объекте агрессии ниже планки, за которой юридически возможно вмешательство существующих организаций обеспечения международной безопасности. Всё это можно назвать фактором "гибридной неопределённости".

В рамках ведущейся Западом против Российской Федерации затяжной гибридной войны именно на российскую сторону возлагается ответственность за разработку и внедрение в практику международных отношений соответствующих технологий, которые характеризуются как вероломные и глубоко аморальные. При этом отмечается, что их полномасштабная апробация произошла в ходе кампании по присоединению Крыма к России в 2014 г., ещё ранее они якобы просматриваются в действиях Москвы в ходе грузино-российского кризиса, разразившегося вследствие вооружённого конфликта в Южной Осетии в 2008 г.

На самом же деле термин "гибридность" вошёл в оборот с подачи американских военных аналитиков с 2005 г. Среди теоретиков концепции гибридизации современных конфликтов необходимо в первую очередь назвать Натана Фрейера, Роберта Ньюсона, Фрэнка Хоффмана и Рассела Гленна, причём опирались они на опыт совершенно иных конфликтов. В частности, появление термина "гибридный" связано с анализом Второй ливанской войны (июль – август 2006 г.), в ходе которой произошло столкновение между Израилем, с одной стороны, и радикальной шиитской группировкой "Хизбалла" (фактически полностью контролирующей южные районы в Ливане) – с другой². Наряду с "Хизбаллой", по мнению родоначальников рассматриваемой концепции, гибридные методы использовали также повстанцы в Ираке, организовавшие атаки на американские оккупационные силы (против США выступали одновременно шиитские и суннитские вооружённые формирования, а также бывшие баасисты, в свою очередь непрерывные провокации устраивала и "Аль-Каида"). Свою лепту в разработку концепта гибридности внёс и анализ деятельности на территории США транснациональных преступных организаций, подпитываемых мигрантами из слаборазвитых регионов, в частности из Центральной Америки. Упоминание Ф. Хоффманом талибов относит к событиям в Афганистане и соответствующему опыту, полученному США в этой стране начиная с 1979 г. Он же анализирует проблему нарковойны в Мексике (в которой с 2006 г. погибло более 50 тыс. чел.), напрямую связанной с внутренней борьбой за сферы влияния между наркокартелями, отягощённой коррупцией в правоохранительных органах и внешним вмешательством (со стороны США).

Все описания, содержащиеся в этих по большей части "полевых" исследованиях, указывали на явную связь западного подхода к ведению войн (и определённых технологий, неоднократно применявшихся, например,

² *Bachmann S.-D.O.V. Hybrid Threats 2016 // ResearchGate. 2015. December. URL: https://www.researchgate.net/publication/292132828_HYBRID_THREATS_2016 (дата обращения: 16.01.2018).*

Корпусом морской пехоты и силами специальных операций) с новой и на тот момент относительно умозрительной концепцией гибридных угроз. Иными словами, США, НАТО и Израиль, с одной стороны, сами апробировали гибридные методы на практике, а с другой – прочувствовали на себе эффективность новых методик ведения войны, сделав вывод о необходимости разработки комплексной стратегии противодействия им. Так, в феврале 2009 г. тогдашний генерал Морской пехоты Джеймс Мэттис (ныне министр обороны США) говорил о "гибридных врагах" и необходимости "гибридных ВС", которые могли бы им противостоять.

Одним из авторов термина "гибридная война" (собственно, основоположником самого концепта гибридизации современных конфликтов) является Н. Фрейер из базирующегося в Вашингтоне Центра стратегических и международных исследований (*The Center for Strategic and International Studies*, CSIS). Он выдвинул идею о том, что в будущем США столкнутся с угрозами четырёх видов, которым соответствуют традиционная и иррегулярная войны, катастрофический терроризм и подрывная деятельность. По его версии, гибридная угроза возникает, когда любой актер развязывает конфликты двух или более упомянутых видов.

Практически аналогичная инновационная классификация угроз содержится в Стратегии национальной обороны США, утверждённой в марте 2005 г. (СНО–2005), в ней также выделены четыре их категории: традиционные, иррегулярные, разрушительные и катастрофические³. Ответом Соединённых Штатов на эти, по определению Н. Фрейера (принимавшего участие в подготовке этого документа), гибридные вызовы и угрозы современности является совершенствование возможностей ВС успешно проводить "операции полного (широкого) спектра" (*full-spectrum operations*). При этом термин "гибридность" относится не только к боевой обстановке и условиям, стратегии и тактике противника, но и к типу сил, которые США и их союзники должны создавать и поддерживать.

Ещё одним концептуальным ответом на такое определение угроз стало появление термина "иррегулярные военные действия" ("иррегулярная война"), прочно закрепившегося в официальном глоссарии Пентагона наряду с термином "операции полного спектра". При этом оказалось, что в данное понятие возможно включение достаточно большого количества явлений. Это – неконвенциональные и асимметричные военные действия, десантно-диверсионные действия, партизанские войны (герильи), а также контрповстанческая активность, восстания и мятежи, гражданские войны, революционные действия и пр.

Дальнейший вклад в развитие теории гибридизации современных конфликтов внесли Р. Гленн и Ф. Хоффман, причём последний, по его собственному признанию, работая над формулировкой термина "гибридная война", заимствовал описания и определения, содержащиеся в СНО–2005. Как считает Ф. Хоффман, главный "подтекст" этого документа состоит в концепции размывания способов ведения войны. СНО–2005 отражает понимание того, что устаревшие предположения о государствах (традиционных) и негосударственных акторах (нетрадиционных и слабых) больше не являются основой для реалистичного планирования обороны, поэтому

³ The National Defence Strategy of The United States of America // U.S. Department of Defence. Official website. 2005. URL: <http://www.defence.gov/news/Mar2005/d20050318nds1.pdf> (дата обращения: 20.11.2018).

"будущие угрозы могут в большей степени быть охарактеризованы как гибридное сочетание традиционных и иррегулярных тактик, децентрализованное планирование и исполнение, участие негосударственных акторов, с использованием одновременно простых и сложных технологий на инновационных направлениях"⁴.

В своей основополагающей работе Ф. Хоффман даёт точную (хотя и довольно узкую) формулировку для характеристики гибридных боевых действий, которые вбирают в себя "спектр различных модальностей ведения войны, включая классические, нерегулярные тактики, террористические акты, в том числе различные формы насилия, а также криминальные беспорядки"⁵.

Следует отметить, что в то время как Ф. Хоффман фокусируется в большей степени на исследовании методов вооружённой борьбы, Р. Гленн вводит расширенное понимание использования силы, включающее в себя различные технологии. Он описывает противника, который одновременно применяет некоторую комбинацию политических, военных, экономических, социальных и информационных методов воздействия, а также конвенциональные, иррегулярные, катастрофические, террористические и криминальные методы ведения войны.

Хотя многие американские военные аналитики внесли свою лепту в разработку концепта гибридизации современных конфликтов, классиком в этой области считается именно Ф. Хоффман – бывший офицер Морской пехоты США, в дальнейшем ставший научным сотрудником в структурах американского оборонного ведомства. Его оценивают как крупного теоретика в области конфликтологии и военно-политической стратегии, к мнению которого прислушиваются проектировщики и лица, принимающие решения в высших эшелонах власти в Вашингтоне. В американской политологической литературе часто можно встретить формулировки, что те или иные явления вписываются в классическое определение "по Хоффману". По его мнению, будущие конфликты будут мультимодальными (т.е. *вестись различными способами*) и мультиузловыми (проводить их будут *и государства, и различные негосударственные акторы*).

По мнению Ф. Хоффмана, концепция размывания способов ведения войны, а также понимание того, что устаревшие предположения о традиционных и нетрадиционных (негосударственных) акторах больше не являются основой для реалистичного планирования обороны, отчётливо прочитываются, например, в концепции Корпуса морской пехоты и американской военно-морской стратегии. Так, в концепции развития Корпуса морской пехоты до 2025 г., разработанной с опорой на основополагающие документы в области оборонного планирования, гибридные конфликты оцениваются как наиболее вероятная форма конфликта, с которой будут сталкиваться Соединённые Штаты⁶.

⁴ Цит. по: *Савин Л.* Новые способы ведения войны: как Америка строит империю // ВикиЧтение. URL: <https://military.wikireading.ru/38500> (дата обращения: 20.11.2018).

⁵ *Hoffman F.G.* Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars // Potomac Institute for Policy Studies. 2007. December. URL: http://www.potomacinstitute.org/images/stories/publications/potomac_hybridwar_0108.pdf (дата обращения: 20.11.2018).

⁶ Marine Corps Vision and Strategy 2025 // Headquarters Marine Corps. URL: <http://www.hqmc.marines.mil/Portals/142/Docs/MCVS2025%2030%20June%5B1%5D.pdf> (дата обращения: 10.03.2018).

В последней по времени издания американской военно-морской стратегии "Морская мощь XXI века" бывший комендант Корпуса морской пехоты⁷ генерал Джеймс Конвей, начальник штаба Военно-морского флота США адмирал Гари Рафхед и командующий Береговой охраной адмирал Тэд Аллен подчёркивают: "...конфликты всё в большей степени характеризуются гибридной смесью регулярных и нерегулярных тактик, децентрализованным планированием и ведением, а также тем, что негосударственные структуры используют как простые, так и сложные технологии инновационным образом"⁸.

Определение феномена гибридизации конфликтов в документах стратегического и оборонного планирования США и НАТО

Внедрение гибридных технологий в практику международных отношений

Концепция гибридной войны широко представлена во многих концептуальных документах, разработанных для различных видов Вооружённых Сил (ВС) США. Так, в Учебном циркуляре сухопутных войск ТС 7-100 ("Гибридная угроза") от 26 ноября 2010 г. отмечается: "...появление гибридных угроз знаменует собой опасное развитие потенциала того, что в конфликтах прошлого именовалось „партизанскими“ и „иррегулярными“ силами. Гибридные угрозы могут включать в себя ассоциированные с государством конвенциональные военные силы – современнейшее вооружение, системы управления и тактику общевойскового боя – с атрибутами, обычно ассоциируемыми с повстанческими или криминальными организациями. Способность объединять в себе регулярные и нерегулярные силы с целью максимального использования предполагаемых уязвимостей делает гибридные угрозы особенно эффективными".

И далее по тексту: "...гибридные угрозы являются инновационными, адаптивными, глобально увязанными, сетевыми, укоренёнными в массах местного населения. Они могут обладать широким кругом старых, адаптированных и перспективных технологий – включая возможность обладания оружием массового поражения. Они могут действовать конвенциональными и нетрадиционными методами, используя адаптивные и асимметричные комбинации традиционной, иррегулярной и криминальной тактики действий и традиционные военные возможности за счёт старых и новых способов действия"⁹.

Кроме того, *характеристика гибридных угроз и гибридных войн начинает всё активнее находить своё место в выступлениях высшего*

⁷ Высший по званию офицер Корпуса морской пехоты США и член Объединённого комитета начальников штабов. Подчиняется непосредственно военно-морскому министру.

⁸ Marine Corps Vision and Strategy 2025.

⁹ Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли / 2-е изд., испр. М., 2017. Прил. 11: Учебный циркуляр сухопутных войск США ТС-100 "Гибридная угроза" (фрагменты). С. 517–521.

военно-политического руководства страны. Впервые этот термин был публично озвучен в январе 2009 г. в ходе доклада тогдашнего министра обороны Роберта Гейтса перед сенатским комитетом по вооружённым силам. Он сказал буквально следующее: "Если мы взглянем на другие элементы боевой системы будущего, то увидим, что является полезным в конфликтах данного спектра из того, что я назвал бы гибридными комплексными войнами"¹⁰.

Однако для описания соответствующих явлений преимущественно продолжилось использование более привычной и устоявшейся терминологии. Именно к такому выводу пришло Главное бюджетно-контрольное управление, которое в период с января по сентябрь 2010 г. провело исследование на предмет использования термина "гибридность" в официальной документации. Управление изучило целый массив документов в области стратегического и оборонного планирования Соединённых Штатов, директивы и циркуляры по видам ВС США, а также провело беседы с американскими военными. Так, соответствующая терминология использовалась для характеристики того, что современные конфликты становятся всё более комплексными и сложными. Однако большинство представителей американского военного истеблишмента не нашли оснований для вывода о том, что можно говорить о войнах принципиально нового типа, которые невозможно описать с помощью терминологии, уже закреплённой в официальных глоссариях МО (в первую очередь речь идёт о таких терминах, как *операции полного спектра, нетрадиционные методы ведения войны, иррегулярные войны*)¹¹.

Собственно, описание иррегулярных военных действий, содержащееся в специальной директиве Пентагона, по сути не отличается от определения гибридных конфликтов, что вносит дополнительную терминологическую путаницу. Так, термин "иррегулярный" подразумевает характеристику ведения военных действий, в которых участники могут использовать такие нетрадиционные методы, как партизанская война, терроризм, саботаж, подрывная деятельность; кроме того, возможно задействование протестных движений, а также сил негосударственных агентов (от международных вооружённых формирований до некоммерческих организаций)¹².

С 2014 г. в рамках американского военно-политического дискурса набирает силу новый подход к проблеме гибридных угроз и конфликтов. Как уже отмечалось, в контексте присоединения Крыма к РФ и развития украинского кризиса именно российской стороне были приписаны авторство концепта гибридных войн и активное применение на практике соответствующих подрывных технологий. В меньшей степени это касается таких стран, как Китай, Иран и КНДР. В некоторых наиболее тенденциозных исследованиях гибридные технологии прямо называются

¹⁰ См.: *Илюпулос И.* Что такое гибридные войны // Профессионалы.ru. 2016. 6 апреля. URL: <https://professional.ru/Soobschestva/biznes-klub/chto-takoe-gibridnye-voyny-instrument/> (дата обращения: 15.10.2018).

¹¹ Hybrid Warfare. GAO-10-1036R // United States Government Accountability Office – GAO. 2010. September. URL: <http://www.gao.gov/new.items/d101036r.pdf> (дата обращения: 10.03.2018).

¹² Irregular War. Department of Defence Directive. No. 3000.07. August 28, 2014 (Incorporating Change 1, May 12, 2017) // U.S. Department of Defence. Official website. URL: https://fas.org/irp/doddir/dod/d3000_07.pdf (дата обращения: 18.02.2018).

"доктриной Герасимова". Более добросовестные авторы, ссылаясь на многочисленное использование термина "гибридность" в американских официальных документах, считают необходимым разобраться с тем, какие особенности и специфику имеет гибридная тактика русских¹³.

Подобный подход всё в большей степени получает отражение и в официальных американских документах в области оборонного планирования. Если в опубликованной в октябре 2014 г. новой Концепции сухопутных войск США на 2020–2040 гг. ещё содержатся более-менее сбалансированные оценки¹⁴, то в дальнейшем ситуация стала меняться в сторону уязвимости гибридных угроз в основном с Россией (в меньшей степени с Китаем).

В декабре 2016 г. аналитическая группа Пентагона по асимметричным войнам (Asymmetric Warfare Group, AWG) разработала Руководство по российским войнам нового поколения, которое осенью 2017 г. было размещено в интернете¹⁵. В документе собраны данные о российском вооружении и военной технике, представлены их тактико-технические характеристики, фотографии, рассматриваются сильные и слабые стороны ВС РФ. В докладе отмечается, что российская стратегия нацелена на смену режима в стране при помощи местных сил, а не на её физический захват.

В преамбуле документа обозначена амбициозная задача – дать систематическое описание гибридных войн как "войн нового поколения", российских ВС образца текущего десятилетия, вскрыть достигнутый уровень и тенденции развития доктринальных взглядов, стратегии, оперативного искусства и тактики, вооружения и военной техники. Однако, по оценкам российских военных специалистов, исследователям не удалось дать обобщенное описание некоторых революционных изменений в тактике противника, а работа в целом не добавила нового в концепцию войн XXI в.¹⁶

В качестве шага в развитии концепта гибридных войн можно считать проработку в последнее время в англосаксонской политологической литературе термина *конфликты в серой зоне*. Так, в докладе "Противостояние гибридным угрозам в „серой зоне“" одного из разработчиков этой терминологии Джона Чемберса (преподаватель американской политики на факультете социальных наук, Военное училище сухопутных войск США в Уэст-Пойнте) даётся определение *серой зоны* и рассматриваются возможные способы противостояния локализованным в них известным и потенциальным угрозам. *Серая зона* определяется не в качестве типа

¹³ См., напр.: Major J.R., Davis Jr. Continued Evolution of Hybrid Threats: The Russian Hybrid Threat Construct and the Need for Innovation // The Three Swords Magazine. 2015. No. 28.

¹⁴ The U.S. Army Operating Concept 2020–2040. Win in a Complex World // TRADOC. 2014. 7 October. URL: <http://www.tradoc.army.mil/tpubs/pams/tp525-3-1.pdf> (дата обращения: 15.11.2018).

¹⁵ Russian New Generation Warfare Handbook / Asymmetric Warfare Group // Public Intelligence. 2017. 18 September. URL: <https://info.publicintelligence.net/AWG-RussianNewWarfareHandbook.pdf> (дата обращения: 15.11.2018).

¹⁶ Бартош А. Россия в эпоху гибридных войн // Независимое военное обозрение. 2017. 24 октября. URL: http://nvo.ng.ru/gpolit/2017-1020/1_970-hybrid.html (дата обращения: 15.11.2018).

конфликта, а как место его проведения, а именно: среда скрытого противостояния между государственными и негосударственными образованиями, существующая на грани международного вооружённого конфликта, но не переходящая данную грань. При этом, по мнению автора, существует чёткая граница между гибридными угрозами в *серой зоне* и гибридными угрозами в условиях открытого вооружённого конфликта¹⁷.

В публикации в британском "Экономисте" в качестве конфликтов в серой зоне названы, в частности, "интервенция России на Украине", политика КНР по продвижению своих интересов в Южно-Китайском море; в свою очередь проявления гибридной войны в стратегии Ирана связываются с использованием действий ополченцев для создания дуги влияния от Ирака через Сирию и до Ливана¹⁸.

В некоторых наиболее свежих публикациях американских военных аналитиков предпринимаются попытки соотнести феномен гибридной войны (на примере действий России на Украине) с современной концепцией ведения боевых действий в разных операционных средах¹⁹ (multi-domain operations). Кроме того, в октябре 2017 г. Армия США выпустила проект документа, в котором описывается будущая стратегия сражений в наземном, воздушном, морском, кибер- и космическом пространствах в 2025–2040 гг.²⁰ В ней выделены три основных компонента: обеспечение боевой устойчивости; конвергенция возможностей в нескольких операционных средах; способность к реконфигурации сил (войск передового присутствия, экспедиционных сил, а также союзников) в том числе для обеспечения противодействия противнику, прибегающему к "нетрадиционным" способам ведения войны и информационным операциям.

Среди последних документов в области стратегического и оборонного планирования Соединённых Штатов необходимо коротко остановиться на следующих: *Стратегии национальной безопасности США – СНБ* (декабрь 2017 г.)²¹, *Национальной военной стратегии США* (действует с 2015 г., данный документ разработан под руководством председателя Объединённого комитета начальников штабов на основе положений СНБ в предыдущей редакции)²² и *Стратегии национальной обороны США*

¹⁷ Chambers J. Countering Gray-Zone Hybrid Threats. An Analysis of Russia's "New Generation Warfare" and Implications for the US Army // Modern War Institute at West Point. 2016. 18 October. URL: <https://mwi.usma.edu/wp-content/uploads/2016/10/Countering-Gray-Zone-Hybrid-Threats.pdf> (дата обращения: 10.11.2018).

¹⁸ Neither War nor Peace // The Economist. 2018. 25 January. URL: <https://www.economist.com/news/special-report/21735474-uses-constructive-ambiguity-neither-war-nor-peace> (дата обращения: 10.11.2018).

¹⁹ Clas A.M. Commanding in Multi-Domain Formations // Military Review. 2018. March–April.

²⁰ Multi-Domain Battle: Evolution of Combined Arms for the 21st Century. 2025–2040 // Army Capabilities Integration Center. 2017. October. URL: http://www.arcic.army.mil/App_Documents/Multi-Domain-Battle-Evolution-of-Combined-Arms.pdf (дата обращения: 10.11.2018).

²¹ National Security Strategy of the United States of America. December 2017 // The White House. Official website. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 16.01.2018).

²² The National Military Strategy of the United States of America 2015 // Joint Chiefs of Staff. 2015. URL: http://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/2015_National_Military_Strategy.pdf (дата обращения: 14.01.2018).

(январь 2018 г.). Что касается последнего документа, то его краткое изложение, размещённое на сайте Пентагона, не является информативным на предмет проводимого исследования²³.

В Национальной военной стратегии проблеме гибридных войн уделяется большое внимание. Так, в гибридных конфликтах могут участвовать вооружённые силы, принимающие "негосударственную идентичность" или квазигосударственную идентичность, как в случае с ИГИЛ. В подобных конфликтах также могут быть задействованы работающие вместе на общие цели государственные и негосударственные субъекты. В силу ряда существенных преимуществ (создание ситуации двусмысленности и неопределённости, что затрудняет скоординированный адекватный ответ) гибридные конфликты, вполне вероятно, будут сохраняться и в будущем. В связи с этим в документе ставится вопрос о том, имеют ли Соединённые Штаты, их союзники и партнёры адекватные стратегии противодействия гибридной войне.

Следует отметить, что в последней редакции Стратегии национальной безопасности США термин "гибридность" вообще отсутствует, однако в разделе "Сохранение мира через силу" даётся классическое описание гибридных войн.

Жёсткой критической реакцией на документ стал специальный доклад, подготовленный членами Комитета сената США по международным отношениям – представителями Демократической партии. Они обвинили президента в недостаточном внимании, уделяемом российским операциям по подрыву демократии, масштаб которых простирается гораздо далее вмешательства в американские выборы. По их мнению, "никогда прежде президент США столь явно не игнорировал такую серьёзную и нарастающую угрозу национальной безопасности США"²⁴. Как было отмечено, законодатели ожидают от Министерства обороны и Госдепартамента разработку комплексного плана "по противодействию угрозе вредоносного воздействия со стороны РФ".

Следует отметить, что определённые наработки по раннему выявлению мероприятий с использованием "нетрадиционных" методик готовятся в настоящее время Отделом технической поддержки по борьбе с терроризмом, находящимся в подчинении у помощника министра обороны по специальным мероприятиям и конфликтам низкой интенсивности²⁵. Работа ведётся в рамках создания Пентагоном соответствующей целостной концепции²⁶. Однако основное внимание в плане противодействия подрывным российским технологиям сосредоточено как на усилении передового

²³ Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America // U.S. Department of Defence. Official website. 2018. URL: <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (дата обращения: 19.10.2018).

²⁴ *Bowman M.* Senate Democrats Accuse Trump of Failing to Confront Russian Threat // VOA News. 2018. January. URL: <https://www.voanews.com/a/us-congressional-report-details-extensive-russian-influence-campaigns/4201331.html> (дата обращения: 16.03.2018).

²⁵ *Judson J.* Countering "little green men": Pentagon special ops studies Russia "gray zone" conflict // Defence News. 2017. 15 May. URL: <https://www.defensenews.com/digital-show-dailies/sofic/2017/05/15/countering-little-green-men-pentagon-special-ops-studies-russia-gray-zone-conflict/> (дата обращения: 16.09.2018).

²⁶ Соответствующее поручение получено главой Пентагона и председателем Объединённого комитета начальников штабов ещё в соответствии с Законом об ассигнованиях на национальную оборону на 2016 г.

присутствия США в Европе, так и на развитии целого комплекса мероприятий в рамках НАТО. Именно в таком ключе данная проблема представлена в законе о бюджетных ассигнованиях на национальную оборону на 2018 г.²⁷

Следует подчеркнуть, что *тема гибридных угроз была искусственно использована для перехода к жёсткой политике сдерживания*, хотя, по оценкам экспертов, соответствующая переориентация (в частности создание новых структур, ответственных за программы развития Пентагона, направленные против военных возможностей Москвы и Пекина) началась уже в 2012 г. (одновременно с развитием соответствующего потенциала в рамках Североатлантического союза).

С 2010 г. в качестве гибридных в НАТО определяют угрозы, главной характеристикой которых является адаптивное использование потенциальным противником традиционных и нетрадиционных средств достижения поставленных целей при камуфлировании своей причастности к происходящим событиям. Тем самым в само понятие "гибридные операции" закладывается негативный смысл, формируемый на основе предположения о безнравственном, противозаконном или вероломном замысле действий, осуществляемых в рамках таких операций. При этом на Западе исходят из того, что термин "гибридная операция" не может быть применён к тем или иным шагам альянса, которые якобы всегда соответствуют высоким морально-этическим нормам. В то же время практически любые активные действия России с 2014 г. характеризуются со стороны представителей блока с позиции термина "гибридные операции".

В обнародованном весной 2018 г. годовом отчёте генсека Североатлантического союза за 2017 г.²⁸ в качестве важной особенности современной международной обстановки называются гибридные войны (в том числе перенос центра противостояния в киберсферу). При этом киберпространство объявлено новой операционной военной сферой, а вопросы противодействия киберугрозам включены в рутинный процесс оперативного планирования НАТО. Таким образом, проблема переведена из области теоретических построений в практическую плоскость и становится частью чёткого институционального процесса.

Годовой отчёт Североатлантического альянса описывает гибридные операции как "комбинацию военных и невоенных, тайных и открытых действий, включающих дезинформацию, пропаганду, развёртывание иррегулярных вооружённых формирований вплоть до использования регулярных сил". Как отмечается, в штаб-квартире Организации продолжается разработка стратегии противодействия соответствующим угрозам, причём приоритетное внимание уделяется следующим направлениям: вскрытие и определение источника угроз; их оперативная оценка и "поддержка выработки решений" (по реагированию на них); организация устойчивого противодействия.

²⁷ H.R.2810 – National Defence Authorization Act for Fiscal Year 2018 // Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/2810/text> (дата обращения: 16.01.2018).

²⁸ The Secretary General's Annual Report 2017 // NATO. Official website. 2018. March. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2018_03/20180315_SG_AnnualReport.en.pdf (дата обращения: 16.09.2018).

Что касается раннего выявления гибридных угроз, то соответствующая задача возложена на специальный отдел в рамках недавно созданного Объединённого управления по разведке и безопасности. Исходя из признания того, что многие решения придётся принимать на основании неполных разведанных и неоднозначной информации, перед этим подразделением поставлена задача выработки новой концепции сбора и анализа информации в условиях ведения гибридных войн (с широким использованием социальных сетей, докладов аналитических центров и т.д.).

В центре экспертных дискуссий сейчас находятся две проблемы: какими конкретно средствами НАТО следует реагировать на гибридные угрозы, в какой степени эти угрозы имеют военное измерение (*military implications*) и какой военный инструментарий должен быть задействован альянсом? Не ясно, на основании каких именно данных Совет НАТО может принять решение об использовании военных средств в ответ на "агрессию с применением гибридных методов" (в частности о задействовании Сил реагирования НАТО, NRF). Так, по итогам декабрьской (2015 г.) встречи министров иностранных дел стран – участниц альянса такая возможность допускается. Однако для развёртывания этих сил необходимо соответствующее политическое решение (при этом главком ОВС НАТО в Европе может начинать предусмотренные подготовительные мероприятия). В связи с имеющимися трудностями в штаб-квартире Североатлантического союза намерены *в корне пересмотреть нынешнее "узкое" определение акта "агрессии" в отношении стран – членов блока с учётом нарастания угроз гибридного характера*. Также НАТО ведёт разработку стратегий так называемого переходного периода от относительно расплывчатой военно-политической ситуации, характерной для гибридной войны, к классической конвенциональной войне с применением всего спектра обычных вооружений²⁹.

Следует подчеркнуть, что ещё с 2014 г. составной частью коллективной обороны Североатлантического союза является кибероборона (т.е. к этой сфере применима ст. 5 Вашингтонского договора). Итоговыми документами варшавского саммита НАТО (июль 2016 г.) гибкая формулировка была закреплена и в отношении гибридных угроз: возможность задействования механизмов коллективной обороны в ответ на "гибридную агрессию" *не исключалась*. В соответствии с указаниями саммита НАТО

²⁹ О политике НАТО см. также: *Кучинская М.Е.* Трансформация НАТО на современном этапе: политические аспекты. М.: РИСИ, 2007. 197 с.; *Ермаков С.М.* Политика США и НАТО на постсоветском пространстве // Проблемы национальной стратегии. 2010. № 1 (2). С. 79–91; *Кучинская М.Е.* Основные тенденции трансформации НАТО на современном этапе (политические аспекты) // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 3 (8). С. 98–116; *Ермаков С.М.* Трансформация НАТО после Лиссабонского саммита 2010 г.: от обороны территории к защите всеобщего достояния // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 4 (9). С. 107–128; *Она же.* Куда ведёт "умная оборона" НАТО? // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 5 (14). С. 141–160; *Кучинская М.Е.* Россия–НАТО: пройдена ли "точка невозврата"? // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 2 (35). С. 89–107; *Она же.* Политика сдерживания России: "новая норма" (a new normal) для НАТО // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 1 (40). С. 147–162; *Она же.* Реформа интеграционных программ НАТО и интересы безопасности России // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 1 (46). С. 119–146; *Виловатых А.В.* Меметика как инструмент современного информационного противоборства // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 5 (50). С. 141–154.

в Брюсселе (июль 2018 г.), "...НАТО готова, по решению Совета, оказать содействие любому государству НАТО на любом этапе гибридной кампании. В случае гибридной войны Североатлантический совет мог бы принять решение о приведении в действие статьи 5 Вашингтонского договора, как и в случае вооружённого нападения"³⁰. Таким образом, *впервые в официальных документах альянса признаётся возможность задействования ст. 5 Вашингтонского договора о коллективной обороне для парирования гибридных угроз.*

Среди итогов встречи НАТО на высшем уровне в июле 2018 г. важно назвать решение о создании специальных групп по противодействию гибридным угрозам (Counter Hybrid Support Teams). Об их формировании генсек альянса Й. Столтенберг заявил по результатам заседания Совета НАТО в формате министров обороны, состоявшегося в начале октября 2018 г. Примечательно, что заявление было сделано на фоне обвинений Нидерландов в адрес России, которая якобы совершила кибератаку на Организацию по запрещению химического оружия (ОЗХО)³¹.

Противодействие гибридным угрозам также обозначено в качестве одного из ключевых направлений взаимодействия в Совместной декларации о сотрудничестве между ЕС и НАТО, подписанной 10 июля 2018 г. в Брюсселе.

Гибридным угрозам принадлежит системообразующая роль при разработке США, НАТО и ЕС многоальтернативных планов подготовки и использования национальных и коалиционных сил³². При этом в течение продолжительного времени Вашингтон использует гибридные технологии не только для противодействия угрозам национальной безопасности, но и в наступательных целях.

Правомерно говорить о том, что гибридные технологии не де-юре, но де-факто являются частью национальной оборонной стратегии Соединённых Штатов. Так, принципы развёртывания Сил специальных операций США, действующих в координации с учреждениями Госдепартамента (одновременное использование политических и военных технологий, а также привлечение иррегулярных сил к ведению операций на иностранных территориях), полностью укладываются в классическое определение гибридных конфликтов³³.

В соответствии с докладами Аналитической группы Командования специальных операций США, мультимодальность современных конфликтов характеризуется балансом "сдерживания/вовлечения" в соответствии

³⁰ Brussels Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Brussels 11–12 July 2018 // NATO Public Diplomacy Division. Press Release Communiqué de presse. Press Release PR/CP (2018) 074.

³¹ НАТО подготовит ответ на "гибридные угрозы" России // Росбалт. 2018. 4 октября. URL: <https://www.rosbalt.ru/world/2018/10/04/1736739.html> (дата обращения: 19.10.2018).

³² См. об этом также: *Виловатых А.В.* Использование информационно-коммуникационных технологий в военно-политических целях: социально-психологический аспект // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 2 (47). С. 197–211; *Она же.* Меметика как инструмент современного информационного противоборства.

³³ *Каберник В.* От гибридных операций к гибридной дипломатии // Рос. совет по междунар. делам. 2017. 30 ноября. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ot-gibridnykh-operatsiy-k-gibridnoy-diplomatii/> (дата обращения: 19.10.2018).

с классическим описанием гибридности "по Хоффману". К механизмам сдерживания относятся: физическое устранение руководства; революции и государственные перевороты; продвижение различных программ по развитию демократии или поддержке оппозиции; "демократическая" смена власти; военные или спецоперации; прокси-война (с использованием повстанцев); дипломатические методы; экономические и другие санкции; "разведение сторон". Проведение комплекса мер по "вовлечению" предполагает: содействие экономическому развитию страны; вовлечение страны в международную торговлю; создание неинклюзивных торговых блоков; приведение к власти "агентов", встраивание в политическую систему НКО; включение страны в сеть международных организаций и договоров; развитие туризма, образовательных и культурных связей³⁴.

Подобная игра на "повышение и понижение" на размытой границе между миром и войной задаёт рамки или формат гибридной войны. По мнению американских военных аналитиков, именно такой набор методов представляет собой уникальные инструменты для давления на противника. В подобном подходе кроются уникальные возможности использования гибридной войны в международных отношениях как инструмента стратегического неядерного сдерживания³⁵.

В соответствии с российскими экспертными оценками, НАТО и ведущие страны-участницы уже на протяжении 20 лет активно внедряют в практику гибридные методы в интересах достижения своих военно-политических целей в различных регионах мира. Данное направление деятельности альянса реализуется в рамках так называемого всеобъемлющего подхода к обеспечению безопасности (Comprehensive Approach). Наиболее характерным примером использования им данного подхода стала ливийская операция (март – октябрь 2011 г.). В частности, для обоснования своих действий Запад использовал резолюцию Совета Безопасности ООН, интерпретировав её в выгодном для себя ракурсе. Успех операции был обеспечен в первую очередь за счёт использования вооружённых отрядов внутренней оппозиции, координируемых представителями спецслужб и Сил специальных операций Великобритании, Франции и США, а также активного информационно-психологического воздействия на местное население и личный состав правительственных войск³⁶.

Вашингтон ориентирует своих европейских союзников на разработку комплексной "межведомственной, межправительственной" стратегии "гибридного сдерживания" РФ путём объединения в первую очередь совокупных военных ресурсов, а также максимально эффективного использования методов "политического, экономического и психологического давления" на неё. Согласно оборонному бюджету США на 2019 фин. г., Европейское командование ВС США должно получить 6,5 млрд долл.

³⁴ Александров М. Технология "гибридной войны" во внешней политике США // Информационный центр AfterShock. 2017. 24 ноября. URL: <https://aftershock.news/?q=node/588413> (дата обращения: 24.09.2018).

³⁵ Бартош А. США и НАТО активно адаптируются к новым военно-политическим реальностям // Независимое военное обозрение. 2017. 29 сентября. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2017-09-29/1_967_usa.html (дата обращения: 02.02.2018).

³⁶ Клименко С. Теория и практика ведения "Гибридных войн" (по взглядам НАТО) 2015 // Зарубежное военное обозрение. 2015. № 5. С. 109–112. URL: http://factmil.com/publ/strana/nato/teorija_t_praktika_vedenija_gibridnykh_vojn_po_vzgljadam_nato_2015/61-1-0-730 (дата обращения: 24.09.2018).

(почти на 2 млрд больше, чем в 2018 г.), которые планируется направить на дальнейшее развитие так называемой Европейской инициативы сдерживания (*European Deterrence Initiative*).

Одно из приоритетных для американцев направлений в рамках гибридной войны против РФ – *выстраивание системы информационно-психологического противоборства* (по терминологии НАТО, *стратегические коммуникации*). При этом после скандала с отравлением экс-полковника ГРУ С. Скрипаля идёт дальнейшее раскручивание кампании по диффамации российской стороны.

В рамках ведущейся против РФ агрессивной информационной войны США добиваются её *делегитимизации*, развивая тезис о том, что Москва якобы сама выступает проводником и спонсором международного терроризма и поддерживает нарушение Договора о запрещении химического оружия. Целями таких действий являются нарушение субъектности РФ, усиление конфронтационной спирали, замена властных элит и поддержка оппозиции, готовой действовать в рамках модели внешнего управления. Все эти технологии уже в течение десятилетий отработаны США и их союзниками по НАТО на Ближнем Востоке и постсоветском пространстве в рамках комплекса информационно-психологических мероприятий по деформации сознания и подрыву национально-культурной идентичности населения.

Красноречивым примером дискредитации действий России в рамках активной информационной кампании стала **Арктика**. Особую активность на этом направлении проявляет Великобритания, в СМИ которой целенаправленно раскручивается тема о возможном повторении в регионе "украинского сценария" по типу *конфликта в серой зоне*.

По мнению ведущих российских экспертов, довольно умиротворяюще звучат мнения ряда специалистов, утверждающих, что единственным существенным открытым вопросом по Арктике остаются определение внешних границ и разграничение континентального шельфа ряда прибрежных государств за пределами 200-мильных зон³⁷. Однако в условиях глобализации и информационной революции катализатором резких и непрогнозируемых изменений в Арктическом регионе могут послужить события, связанные с ведущейся против РФ гибридной войной с использованием стратегии не прямых действий.

Основные *гибридные угрозы для России в Арктической зоне* обусловлены совокупностью военных, политических, экономических, информационных факторов, а именно: активизацией военной деятельности арктических государств и их союзников; ростом её масштабов в регионе и прилегающих акваториях; реализацией идей об общем и равном доступе к использованию Северного морского пути и арктических ресурсов всеми субъектами мирового сообщества³⁸; осуществлением США и НАТО

³⁷ См. об этом также: Арктика в современной системе международных отношений и национальные интересы России / Е.С. Хотькова, Ю.Н. Глущенко, Т.Б. Аничкина, А.С. Шишков, С.А. Михайлов, В.Н. Конышев, А.А. Сергунин // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 5 (26). С. 9–43.

³⁸ См. об этом также: Инициатива "Один пояс – один путь" – новая платформа для расширения российско-китайского сотрудничества в транспортной сфере / И.В. Прокофьев,

активных информационных операций по дискредитации деятельности России в регионе; действиями Норвегии по силовому вытеснению РФ из традиционных районов промысла в Баренцевом и Норвежском морях; стремлением США и их союзников по Североатлантическому союзу установить контроль за российскими объектами ядерного комплекса в Арктике; намерением руководства стран АТР получить для своих военно-морских сил пункты базирования в Арктической зоне и т.д.

В результате в регионе возникают зоны неопределённости, связанные с интересами разнородных акторов³⁹, действия каждого из которых могут вызвать лавинообразное изменение военно-политической и стратегической обстановки. Каскадными механизмами-катализаторами для развития подобных сценариев в арктическом секторе гибридной войны против России могут выступать спланированные техногенные катастрофы на военных и гражданских объектах; действия в киберпространстве (направленные против систем управления на нефте- и газодобывающих объектах и трубопроводах); теракты на коммуникациях; нарушение поставок жизненно важных продуктов и средств в труднодоступные районы.

Соединённые Штаты в целом уделяют повышенное внимание *экономической составляющей в рамках ведущейся против РФ затяжной гибридной войны*. При этом важно обратить внимание на то, что тематика использования экономических методов (особенно в финансовой сфере) практически не проработана в политологической литературе и *это направление является наиболее перспективным в исследовании феномена гибридности*.

Финансируемый по линии Пентагона Институт Хадсона (Hudson Institute) выпустил провокационный доклад о том, как Россия с помощью своих "грязных денег", отмываемых через офшоры, оказывает политическое и экономическое влияние на сопредельные государства и осуществляет гибридное противостояние Западу. В частности, в докладе предлагается дополнить американское законодательство по противодействию отмыванию денег процедурой признания собственности реального бенефициара. Как отмечают эксперты, доказательство реальной принадлежности собственности при наличии довольно запутанного корпоративного законодательства может представлять существенную проблему. Применение этой законодательной нормы в случае её принятия в отношении "подозрительного" российского бизнеса чревато созданием предпосылок для отъёма собственности и активов по совершенно надуманным причинам. По заключению аналитиков, озвученные предложения Института Хадсона демонстрируют возможный сценарий провокаций против российской политической и бизнес-элиты⁴⁰. Для усиления уязвимости российской

О.Н. Ларин, К.Е. Каратаева // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 6 (45). С. 11–41; Тодоров А.А. Международный транзитный потенциал Северного морского пути: экономический и правовой аспекты // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 3 (42). С. 149–171.

³⁹ См. об этом также: Комиссина И.Н. Арктический вектор внешней политики Китая // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 1 (28). С. 54–73.

⁴⁰ Емельянов Т. В США предложили радикальные меры по борьбе с русскими деньгами // Life. Политика. 2017. 29 ноября. URL: https://life.ru/t/политика/1065021/v_ssha_priedlozhili_radikalnyie_mery_po_borbie_s_russkimi_dienghami (дата обращения: 16.03.2018).

экономики США уже предприняли ряд шагов финансового характера для давления на соответствующий отечественный сектор⁴¹.

* *
*

Необходимо обратить внимание на то, что англосаксонский военно-политический дискурс для описания феномена гибридности в большей степени оперирует сейчас термином "серая зона". В США планирование операций в *серой зоне* относят к сфере "стратегий неопределённости", которые предполагают создание таких условий в политической и военной сферах в отдельном государстве, регионе или на мировой арене, когда затруднительно правильно оценивать обстановку, эффективно использовать армию и совершать адекватные, соразмерные политические шаги⁴². По сути, действия в *серой зоне* воплощают одну из версий *стратегии упреждающего сдерживания* (deterrence by denial), построенных на современных технологиях гибридной войны.

США и НАТО уже осуществляют целый комплекс мероприятий по "сдерживанию" РФ, за которыми просматривается стремление к проведению политики *активной обороны* с использованием гибридных методик. При этом важно учитывать возможность трансформации гибридной войны в конвенциональную, а в дальнейшем и в войну с использованием ОМУ.

Нельзя исключить обострения ситуации на постсоветском пространстве. Также весьма вероятны попытки ослабления России путём дестабилизации её окраинных регионов, укрепления местного сепаратизма, которые могут стать одним из главных инструментов *сдерживания* РФ на международной арене.

Проводимая Западом политика в значительной степени нацелена на духовные, ценностно-мотивационные сферы деятельности людей. В условиях использования против России целого спектра специальных комбинированных методик вполне реальна перспектива превращения современной гибридной войны в затяжное, жёсткое и разрушительное противостояние. Для противодействия этому необходимо совершенствовать соответствующий российский потенциал.

Ключевые слова: *гибридные угрозы – гибридные операции – США – НАТО – конфликты в "серой зоне" – система информационно-психологического противоборства.*

Keywords: *hybrid threats – hybrid operations – the USA – NATO – "gray zone" conflicts – a system of informational and psychological warfare.*

⁴¹ Подробнее об этом см.: Акулинин В.Н., Епифанова Н.С. Концепция гибридной войны в практике межгосударственного противостояния // CYBERLENINKA. 2015. 2 июня. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-gibridnoy-voyny-v-praktike-mezhgosudarstvennogo-protivostoyaniya> (дата обращения: 16.07.2018).

⁴² Бартош А. Серая зона – театр гибридной войны // Независимая газета. 2018. 6 августа. URL: http://www.ng.ru/armies/2018-08-06/7_7282_zone.html (дата обращения: 09.08.2018).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акулинин В.Н., Етифанова Н.С.* Концепция гибридной войны в практике межгосударственного противостояния // CYBERLENINKA. 2015. 2 июня. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-gibridnoy-voyny-v-praktike-mezhgosudarstvennogo-protivostoyaniya> (дата обращения: 16.07.2018).
2. *Александров М.* Технология "гибридной войны" во внешней политике США // Информационный центр AfterShock. 2017. 24 ноября. URL: <https://aftershock.news/?q=node/588413> (дата обращения: 24.09.2018).
3. Арктика в современной системе международных отношений и национальные интересы России / Е.С. Хотькова, Ю.Н. Глушенко, Т.Б. Аничкина, А.С. Шишков, С.А. Михайлов, В.Н. Конышев, А.А. Сергунин // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 5 (26). С. 9–43.
4. *Бартош А.* Гибридные угрозы Запада // Независимое военное обозрение. 2017. 2 июня. URL: http://nvo.ng.ru/gpolit/2017-06-02/1_950_hybrid.html (дата обращения: 13.06.2017).
5. *Бартош А.* Разведка в современных конфликтах. США и НАТО активно адаптируются к новым военно-политическим реальностям // Независимое военное обозрение. 2017. 29 сентября. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2017-09-29/1_967_usa.html (дата обращения: 02.02.2018).
6. *Бартош А.* Россия в эпоху гибридных войн // Независимое военное обозрение. 2017. 24 октября. URL: http://nvo.ng.ru/gpolit/2017-10-20/1_970-hybrid.html (дата обращения: 15.11.2018).
7. *Бартош А.* Саммит НАТО в Варшаве: что есть истина? Информационная война и дезинформация в стратегии альянса // Независимое военное обозрение. 2016. 29 июля. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2016-07-29/1_summit.html (дата обращения: 11.05.2017).
8. *Бартош А.* Серая зона – театр гибридной войны // Независимая газета. 2018. 6 августа. URL: http://www.ng.ru/armies/2018-08-06/7_7282_zone.html (дата обращения: 09.08.2018).
9. "Бешеный пёс" Джеймс Мэттис готов защищать "беззащитную Прибалтику" // ИА REGNUM. 2017. 10 мая. URL: <http://regnum.ru/news/polit/2273165.html> (дата обращения: 15.05.2017).
10. Бюджет Экспертного центра ЕС по отражению гибридных угроз составит 1,5 млн евро // ТАСС. Международная панорама. 2017. 12 апреля. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4177121> (дата обращения: 15.04.2017).
11. В НАТО планируют гибридное сдерживание России // MIGNEWS. 2017. 4 марта. URL: <http://mignews.com.ua/politics/17002700.html> (дата обращения: 10.10.2018).
12. *Виловатых А.В.* Использование информационно-коммуникационных технологий в военно-политических целях: социально-психологический аспект // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 2 (47). С. 197–211.
13. *Виловатых А.В.* Меметика как инструмент современного информационного противоборства // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 5 (50). С. 141–154.
14. "Гибридная война" – одна из наиболее актуальных угроз для национальной безопасности России" // ФедералПресс. 2016. 14 сентября. URL: <http://fedpress.ru/personal-view/1673488> (дата обращения: 13.01.2018).
15. Главком НАТО в Европе: "Сдерживание" РФ требует ещё больше войск // ИА REGNUM. 2017. 29 марта. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2255807.html> (дата обращения: 14.04.2018).
16. Дружить против РФ: военное планирование ЕС разобьётся о спецслужбы США // Экономика Сегодня. 2017. 15 мая. URL: <https://rueconomics.ru/247150-druzhit-protiv-rf-voennoe-planirovanie-es-razobetsya-o-specsluzhby-ssha> (дата обращения: 16.06.2017).
17. *Ермаков С.М.* Куда ведёт "умная оборона" НАТО? // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 5 (14). С. 141–160.

18. *Ермаков С.М.* Политика США и НАТО на постсоветском пространстве // Проблемы национальной стратегии. 2010. № 1 (2). С. 79–91.
19. *Ермаков С.М.* Трансформация НАТО после Лиссабонского саммита 2010 г.: от обороны территории к защите всеобщего достояния // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 4 (9). С. 107–128.
20. Инициатива "Один пояс – один путь" – новая платформа для расширения российско-китайского сотрудничества в транспортной сфере / И.В. Прокофьев, О.Н. Ларин, К.Е. Каратаева // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 6 (45). С. 11–41.
21. Интервью постоянного представителя Российской Федерации при НАТО А.В. Грушко телеканалу "Россия-24". 11 июля 2016 // Постоянное представительство Российской Федерации при НАТО. URL: <http://www.missiontonato.ru> (дата обращения: 12.07.2016).
22. *Каберник В.* От гибридных операций к гибридной дипломатии // Рос. совет по междунар. делам. 2017. 30 ноября. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ot-gibridnykh-operatsiy-k-gibridnoy-diplomatii/> (дата обращения: 13.01.2018).
23. *Клименко С.* Теория и практика ведения "Гибридных войн" (по взглядам НАТО) 2015 // Зарубежное военное обозрение. 2015. № 5. С. 109–112. URL: http://factmil.com/publ/strana/nato/teoriya_t_praktika_vedeniya_gibridnykh_vojn_po_vzgljadam_nato_2015/61-1-0-730 (дата обращения: 24.09.2018).
24. *Комиссина И.Н.* Арктический вектор внешней политики Китая // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 1 (28). С. 54–73.
25. Конференция ЕС преследует цель поддержать развитие кибербезопасности и электронного государственного управления в странах Восточного партнёрства // Европейский союз. Офиц. сайт. 2017. 4 октября. URL: <https://eeas.europa.eu/headquarters/> (дата обращения: 10.10.2017).
26. *Кучинская М.Е.* Основные тенденции трансформации НАТО на современном этапе (политические аспекты) // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 3 (8). С. 98–116.
27. *Кучинская М.Е.* Политика сдерживания России: "новая норма" (a new normal) для НАТО // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 1 (40). С. 147–162.
28. *Кучинская М.Е.* Реформа интеграционных программ НАТО и интересы безопасности России // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 1 (46). С. 119–146.
29. *Кучинская М.Е.* Россия–НАТО: пройдена ли "точка невозврата"? // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 2 (35). С. 89–107.
30. НАТО подготовит ответ на "гибридные угрозы" России // Росбалт. 2018. 4 октября. URL: <https://www.rosbalt.ru/world/2018/10/04/1736739.html> (дата обращения: 19.10.2018).
31. *Олевский В.* Общественная дипломатия на службе стратегической пропаганды НАТО // Зарубежное военное обозрение. 2017. № 9.
32. *Петров В., Иванов И.* Основные итоги Варшавского саммита НАТО (2016) // Зарубежное военное обозрение. 2016. № 8.
33. *Попов И.М., Хамзатов М.М.* Война будущего: концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли / 2-е изд., испр. М., 2017. Прил. 11: Учебный циркуляр сухопутных войск США TC-100 "Гибридная угроза" (фрагменты).
34. *Савин Л.* Новые способы ведения войны: как Америка строит империю // Вики-Чтение. URL: <https://military.wikireading.ru/38500> (дата обращения: 20.11.2018).
35. "Сдерживание XXI века": посол США при НАТО анонсировал новую стратегию безопасности рубежей Альянса // УНИАН. 2016. 9 февраля. URL: <http://www.unian.net/world/1260082-sderjivanie-xxi-veka-posol-ssha-pri-nato-anonsiroval-novuyu-strategiyu-bezopasnosti-rubejey-alyansa.html> (дата обращения: 16.07.2016).
36. Столтенберг отчитался в интервью американскому телеканалу об успехах в противостоянии России в Восточной Европе // Sputnik Латвия. 2016. 8 марта. URL: <http://ru.sputniknews.lv/world/20160308/879164.html> (дата обращения: 17.04.2018).
37. *Тодоров А.А.* Международный транзитный потенциал Северного морского пути: экономический и правовой аспекты // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 3 (42). С. 149–171.

38. A Strong NATO for a New Strategic Reality // NATO. Official website. 2016. 4 March. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_128809.htm (дата обращения: 17.04.2016).
39. *Bachmann S.-D.O.V.* Hybrid Threats 2016 // ResearchGate. 2015. December. URL: https://www.researchgate.net/publication/292132828_HYBRID_THREATS_2016 (дата обращения: 16.01.2018).
40. *Bowman M.* Senate Democrats Accuse Trump of Failing to Confront Russian Threat // VOA News. 2018. January. URL: <https://www.voanews.com/a/us-congressional-report-de-tails-extensive-russian-influence-campaigns/4201331.html> (дата обращения: 16.03.2018).
41. Brussels Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Brussels 11–12 July 2018 // NATO Public Diplomacy Division. Press Release Communiqué de presse. Press Release PR/CP (2018) 074.
42. *Chambers J.* Countering Gray-Zone Hybrid Threats. An Analysis of Russia's "New Generation Warfare" and Implications for the US Army // Modern War Institute at West Point. 2016. 18 October. URL: <https://mwi.usma.edu/wp-content/uploads/2016/10/Countering-Gray-Zone-Hybrid-Threats.pdf> (дата обращения: 10.11.2018).
43. *Clas A.M.* Commanding in Multi-Domain Formations // Military Review. 2018. March–April.
44. Closing NATO's Baltic Gap. Report / W. Clark, J. Luik, E. Ramms, R. Shirreff // International Centre for Defence and Security. 2016. May. URL: https://www.icds.ee/fileadmin/media/icds.ee/failid/ICDS_Report-Closing_NATO_s_Baltic_Gap.pdf (дата обращения: 12.05.2017).
45. *Frühling S., Lanconjarias G.* NATO, A2/AD and the Kaliningrad Challenge // Survival. 2016. Vol. 58. No. 2. April–May. P. 95–116.
46. General Scaparrotti Briefs Reporters on Russian Disinformation Operations // Warfare Today. 2018. 20 March. URL: <http://www.warfare.today/2018/03/20/us-army-report-on-russian-information-warfare/> (дата обращения: 12.09.2018).
47. *Hoffman F.G.* Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars // Potomac Institute for Policy Studies. 2007. December. URL: http://www.potomacinstitute.org/images/stories/publications/potomac_hybridwar_0108.pdf (дата обращения: 20.11.2018).
48. H.R.2810 – National Defence Authorization Act for Fiscal Year 2018 // Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/2810/text> (дата обращения: 16.01.2018).
49. Hybrid Warfare. GAO-10-1036R // United States Government Accountability Office – GAO. 2010. September. URL: <http://www.gao.gov/new.items/d101036r.pdf> (дата обращения: 10.03.2018).
50. Irregular War. Department of Defence Directive. No. 3000.07. August 28, 2014 (Incorporating Change 1, May 12, 2017) // U.S. Department of Defence. Official website. URL: https://fas.org/irp/doddir/dod/d3000_07.pdf (дата обращения: 18.02.2018).
51. *Judson J.* Countering "little green men": Pentagon special ops studies Russia "gray zone" conflict // Defence News. 2017. 15 May. URL: <https://www.defensenews.com/digital-show-dailies/sofic/2017/05/15/countering-little-green-men-pentagon-special-ops-studies-russia-gray-zone-conflict/> (дата обращения: 16.09.2018).
52. *Kacprzyk A.* Conventional Deterrence on NATO's Eastern Flank after the Warsaw Summit // Polski Instytut Spraw Międzynarodowych. Bulletin. 2016. 3 August. No. 48 (898).
53. *Kramer F.D., Speranza L.M.* Meeting the Russian Hybrid Challenge. A Comprehensive Strategic Framework // Atlantic Council. 2017. May. URL: http://www.atlantic-council.org/images/publications/Meeting_the_Russian_Hybrid_Challenge_web_0530.pdf (дата обращения: 26.02.2018).
54. *Major J.R., Davis Jr.* Continued Evolution of Hybrid Threats: The Russian Hybrid Threat Construct and the Need for Innovation // The Three Swords Magazine. 2015. No. 28.

55. Marine Corps Vision and Strategy 2025 // Headquarters Marine Corps. URL: <http://www.hqmc.marines.mil/Portals/142/Docs/MCVS2025%2030%20June%5B1%5D.pdf> (дата обращения: 10.03.2018).

56. Multi-Domain Battle: Evolution of Combined Arms for the 21st Century. 2025–2040 // Army Capabilities Integration Center. 2017. October. URL: http://www.arcic.army.mil/App_Documents/Multi-Domain-Battle-Evolution-of-Combined-Arms.pdf (дата обращения: 10.11.2018).

57. National Security Strategy of the United States of America. December 2017 // The White House. Official website. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 16.01.2018).

58. NATO Secretary General meets EU Defence Ministers, attends cyber exercise // NATO. Official website. 2017. 7 September. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/news_146741.htm (дата обращения: 16.10.2017).

59. NATO's Northeastern Flank – Emerging Opportunities for Engagement / C.S. Chivvis, R.S. Cohen, B. Frederick, D.S. Hamilton, F.S. Larrabee, B. Lin // RAND Corporation. 2016. 7 July. URL: http://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1467z1.html (дата обращения: 16.07.2018).

60. *Nordenman M.* Analysis: Baltic Sea Heating Up as Friction Point Between US, NATO and Russia // USNI News. 2016. 25 April. URL: <http://news.usni.org/2016/04/25/analysis-baltic-sea-heating-up-as-friction-point-between-u-s-nato-and-russia> (дата обращения: 26.05.2016).

61. Neither War nor Peace // The Economist. 2018. 25 January. URL: <https://www.economist.com/news/special-report/21735474-uses-constructive-ambiguity-neither-war-nor-peace> (дата обращения: 10.11.2018).

62. *Pernik P.* Jermolavičius T. Resilience as Part of NATO's Strategy: Deterrence by Denial and Cyber Defence. Forward Resilience: Protecting Society in an Interconnected World. Working Paper Series // Johns Hopkins School of Advanced International Studies. Center for Transatlantic Relations. Washington, DC, 2016.

63. *Praks H., Stoicescu K.* Strengthening the Strategic Balance in the Baltic Sea Area // International Centre for Defence and Security. 2016. 19 April. URL: http://www.icds.ee/fileadmin/media/icds.ee/failid/Kalev_Stoicescu__Henrik_Praks_-Strengthening_the_Strategic_Balance_in_the_Baltic_Sea_Area.pdf (дата обращения: 17.05.2017).

64. *Sari A., Lauwa A.* Hybrid Threats and the United States National Security Strategy: Prevailing in an "Arena of Continuous Competition" // EJIL: Talk! 2018. 19 January. URL: <https://www.ejiltalk.org/hybrid-threats-and-the-united-states-national-security-strategy-prevailing-in-an-arena-of-continuous-competition/> (дата обращения: 22.02.2018).

65. Secretary General participates in Hybrid Centre of Excellence inauguration with Finnish leaders and EU High Representative // NATO. Official website. 2017. 2 October. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/news_147497.htm (дата обращения: 14.10.2017).

66. Shirreff Richard (Gen. Sir) and Olex-Szczytowski Maciej. Arming for Deterrence. How Poland and NATO Should Counter a Resurgent Russia // Atlantic Council. 2016. 19 July. URL: <http://www.atlanticcouncil.org/publications/reports/arming-for-deterrence> (дата обращения: 21.07.2016).

67. Statement of General Curtis M. Scaparrotti, United States Army Commander. United States European Command // United States Senate. Committee on Armed Services. 2018. 8 March. URL: <http://www.eucom.mil/media-library/article/365269/eucom-2018-posture-statement> (дата обращения: 04.04.2018).

68. Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America // U.S. Department of Defence. Official website. 2018. URL: <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (дата обращения: 19.10.2018).

69. Tigner Brooks An Evolving Threat. Hybrid warfare. Briefing // Jane's Defence Weekly. 2017. 24 May. Vol 54. Issue 21.

70. The National Defence Strategy of The United States of America // U.S. Department of Defence. Official website. 2005. URL: <http://www.defence.gov/news/Mar2005/d20050318nds1.pdf> (дата обращения: 20.11.2018).

71. The National Military Strategy of the United States of America 2015 // Joint Chiefs of Staff. 2015. URL: http://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/2015_National_Military_Strategy.pdf (дата обращения: 14.01.2018).

72. The U.S. Army Operating Concept 2020–2040. Win in a Complex World // TRADOC. 2014. 7 October. URL: <http://www.tradoc.army.mil/tpubs/pams/tp525-3-1.pdf> (дата обращения: 15.11.2018).

73. United States Department of Defence Fiscal Year 2019 Budget Request // Office of the Under Secretary of Defence (Comptroller) Chief Financial Officer. 2018. February. URL: http://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/fy2019/FY2019_Budget_Request.pdf (дата обращения: 16.03.2018).